

И.М. Эрлихсон

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000 г. Рязань, Российская Федерация

Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря

В статье автор обращается к проблеме репрезентации преступления в английской публицистике XVIII в., акцентируя внимание на уникальном историческом источнике – «Ньюгейтском календаре». Формат и структура «Ньюгейтского календаря» – справочник о заключенных Ньюгейтской тюрьмы, содержащий биографические данные арестантов и описание способов совершения преступлений. Автор реконструирует биографии преступников, промышлявших разбоем на большой дороге, и пытается определить степень влияния психологических и социально-экономических причин, выступавших в качестве мотива преступления. Мы полагаем, что образ разбойника с большой дороги является важным структурным элементом криминального романтизма. Анализ биографий показывает, что значительная доля преступлений подобного рода была одновременно инициирована как жадной наживы, так и чисто амбициозными соображениями. Мы также приходим к заключению, что стремление попасть в высшие эшелоны преступного мира, обусловленное восприятием англичанами образа грабителя с большой дороги в романтическом ключе, вне зависимости от принадлежности к социальной страте, приводило к применению высшей меры наказания.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, преступность, разбой, «Ньюгейтский календарь»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Эрлихсон И.М. Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 40–53. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-40-53

I.M. Erlihkson

Yesenin Ryazan State University,
Ryazan, 390000, Russian Federation

The image of a highwayman on the Newgate Calendar pages

In the article the author investigates the problem of crime representation in English journalism of the 18th century, focusing on a unique historical source – the Newgate Calendar. The format and structure of the Newgate Calendar is a guide to Newgate Prison inmates, containing biographical information about the prisoners and a description of their crimes. The biographies of highwaymen are reconstructed, and the degree of social and psychological motives is determined. We believe that the image of a highway robber is an important structural element of criminal romanticism. An analysis of biographies shows that a significant proportion of crimes of this kind were simultaneously initiated by both greed for profit and purely ambitious considerations. The author comes to the conclusion that the desire to get into the upper echelons of the criminal world, due to the British perception of the image of a highwayman in a romantic way, regardless of belonging to a social stratum, led to the use of capital punishment.

Key words: England, 18th century, crime, highway robbery, "Newgate calendar"

FOR CITATION: Erlihkson I.M. The image of a highwayman on the Newgate Calendar pages. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 40–53. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-40-53

В XVIII в. Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности, который панически пугал просвещенную общественность. Дороги кишели шайками разбойников, останавливавшими почтовые кареты и расправлявшимися с пассажирами при любом намеке на сопротивление. И в предместьях больших городов, и на центральных улицах проходим грозила опасность быть ограбленными и убитыми. «Утонченные формы порока, которыми наслаждалась аристократическая элита эпохи Реставрации, в последующие десятилетия проникли во все классы общества, превратившись в уличный разбой и циничный разврат...

в числе воров и грабителей сплошь и рядом попадались состоятельные люди из среды буржуазии, фермеры, купцы и даже юристы» [1]. Автор анонимного трактата «Виселица – недостаточное наказание для убийц, грабителей с большой дороги и взломщиков» (1701 г.) именовал преступников позором нации и сравнивал их с ядовитыми гадюками и теми мифическими существами, от которых избавлял Грецию великий Геракл [10, p. 17].

Несомненно, беспрецедентная криминализация английского общества была тесно связана с социально-экономическими процессами, которые на протяжении XVIII в. трансформировали, а порой окончательно ломали рудименты старой патриархальной структуры. «Финансово и социально незащищенные слои населения стали еще более уязвимыми, в особенности тогда, когда призывы к христианскому милосердию, актуальные в средневековье, превратились в пустой звук, а возможности частной и государственной благотворительности были несоизмеримы с масштабами безработицы и пауперизации населения» [8, с. 266]. Продолжающееся обезземеливание крестьянства (наследственных копигольдеров), внедрение технических усовершенствований в промышленности, демографический подъем, рост цен и налогов на предметы потребления¹, – все это приводило к тому, что люди в нижней страте населения едва сводили концы с концами и оказывались на грани отчаяния.

Бурный рост преступности и отсутствие инновационных методов борьбы с криминальной пассионарностью помогают частично осмыслить логику властей, которые, за неимением альтернативы существующей системе наказаний, придерживались экстенсивного пути. Это дало основание отечественному юристу-криминологу И.Я. Фойницкому определить Англию как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место в Европе Нового времени по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера, как в простой, так и в квалифицированных формах, включавших четвертование, колесование, кипячение в котле, заливание горла металлом и пр. [7, с. 134–135].

Преступление стало одним из факторов, создававших социокультурную реальность, которая отражалась в письменных источниках: материалах судебных заседаний, периодических изданиях, дневниках, записках путешественников, автобиографиях, произведениях художественной

¹ Например, в правление Георга III (1760–1820) были повышены налоги на пиво, сидр, стекло, свечи, льняные и хлопчатобумажные ткани; на квартирную плату и топливо уходило 56 шиллингов в месяц, рацион сельских и городских рабочих состоял из хлеба, дешевого сыра, овсянки, редко – сала или бекона.

литературы. В зарубежной историографии проблема преступности в Англии в XVIII в. и ее репрезентация в средствах массовой информации детально освещены в коллективных монографиях, исследованиях Э. Снелл, П. Кинга, Т. Хитчкока, Р. Шумахера, П. Лайнбо, Ф. Макклина, Дж. Спраггс, Г. Дарстона [9; 11–16]. Особо выделим монографию Р. Уорда, в которой представлена аналитическая панорама самых разнообразных жанров печатной криминальной литературы (столичные газеты, публицистика, гравюры, материалы судебных заседаний Олд-Бейли, исповеди преступников, записанные капелланами Ньюгейта, «Ньюгейтский календарь») [21].

Корпус подобных текстов довольно обширен, поэтому в рамках данной статьи мы сосредоточим фокус нашего исследования на «Ньюгейтском календаре». В отечественной науке эта уникальная, не имеющая аналогов коллекция биографий преступников привлекает внимание преимущественно филологов как предтеча «ньюгейтского романа» и английской детективной литературы, что нашло отражение в диссертационном исследовании и статьях И.А. Матвеевко [5]. Дж. Уилсон рассматривал «Календарь» исключительно в контексте происхождения криминологии и отмечал, что эта область познания начиналась с литературных и этических рассказов о преступлениях и преступниках, написанных не учеными, а работниками криминальной юстиции: тюремщиками и юристами [6].

Первая коллекция подобных записей под названием «Тайбернский календарь, или Кровавый реестр злоумышленников» был издан в 1705 г. Г. Суинделом. В 1719 г. выходит «История жизней и преступных деяний самых печально известных разбойников, взломщиков и мошенников обоюбого пола, произведенных в Лондоне, Вестминстере и других частях Великобритании за последние сто лет» капитана А. Смита, а спустя год – «Хроника Тайберна, или Злодейство во всех его ипостасях». Трехтомное издание под названием «Ньюгейтский календарь, или Кровавый реестр негодяев, содержащий: подлинный и косвенный рассказ о жизни и деяниях, также предсмертные речи самых печально известных злоумышленников обоих полов, приговоренных к смертной казни в Великобритании и Ирландии за государственную измену, убийство, пиратство, воровство, фальшивомонетничество... где показан переход от порока к добродетели и приведены полезные размышления о несчастных, ставших жертвами национального законодательства» вышло в свет в 1774–1778 гг. В XVIII в. «Календарь» переиздавался еще дважды, в XIX в. – шесть, в XX в. – одиннадцать раз с вариациями в названии и содержании. Каждая новая коллекция либо пополнялась, либо сокращалась в зависимости от предпочтений публики и замысла

редакторов, поэтому единого издания, включающего *все* криминальные биографии, не существует. В данном исследовании нами будут привлечены преимущественно первые два тома из коллекции «Ньюгейтский Календарь», изданные под редакцией Э. Нэппа и А. Болдуина [17; 18], а также «Полный Ньюгейтский календарь» под редакцией Дж.Л. Райнера и Г.Т. Крука [19], фактически воспроизведенный в последнем на сегодняшний день издании «Календаря» [20].

Мы распределили мужские биографии, представленные в первых двух томах издания Э. Нэппа и охватывающие период с 1700 по 1775 гг., по видам преступлений (табл. 1). Естественно, полученные данные не претендуют на роль статистического источника, показывающего точную картину, масштабы и характер преступности, но все же опосредованно отражают динамику и социально-психологическую подоплеку криминальной активности англичан в изучаемый период.

Таблица 1

**Виды преступлений (по мужским биографиям),
представленные в первых двух томах
«Ньюгейтского Календаря» издания Э. Нэппа
(1700–1775 гг.)**

Виды преступлений	Количество
Убийства:	117 (36,5%)
• семейно-бытовые	39
• непредумышленные	3
• дуэли	4
• детоубийства	1
• иные мотивы	70
Экономические преступления	39 (12,1%)
Разбой на большой дороге	34 (10,5%)
Политические преступления	33 (10,3%)
Разбой	31 (9,5%)
Кражи со взломом	22 (6,8%)
Прочее (воровство лошадей, пиратство, поджоги, изнасилования, скупка краденого, лжесвидетельство, незаконное возвращение из ссылки, содомия, похищение и продажа людей, членовредительство, супружеская измена)	35 (14,3%)
Всего преступлений (мужские биографии)	320 (100%)

Разбой на большой дороге в «Календаре» занимает третье место в общем объеме мужских преступлений (см. табл. 1). Рядовые англичане нередко оказывались жертвами преступников, которые обращались с ними с бесчеловечностью и отсутствием почтения к возрасту, полу и социальному статусу. «Эти отчаянные головорезы препятствуют развитию торговли и коммерции, сокращают количество как деловых встреч, так и дружеских визитов. Они грабят дерзко, уверенно, упиваясь своей безнаказанностью, так, как будто делали бы это на законных основаниях... они ранят и калечат, оставляют людей раздетыми на холоде, что нередко приводит к переохлаждению и смерти», – сетовал анонимный автор упомянутого выше трактата «Виселица – недостаточное наказание для убийц...» [10, р. 11].

Мы проанализировали самые показательные из представленных биографий, чтобы проследить определенный алгоритм в смене жизненных обстоятельств и охарактеризовать статус и личностные качества тех, кто избрал именно эту преступную «специализацию».

В реестре «разбойников с большой дороги» выделяется история Тома Роуланда, так и не преуспевшего в кладке кирпичей, которому он обучался в течение нескольких лет. Лениность и склонность к праздности привели его в дурную компанию. Он начал преступную карьеру с кражи лошади из конюшен герцога Бофора в Глостершире. В течение восемнадцати лет ему удавалось совершать беспрецедентные по дерзости ограбления и уходить безнаказанным, во многом благодаря тому, что он переодевался в женское платье. Однажды он украл кружева стоимостью 20 фунтов, был схвачен и помещен в тюрьму. Том явил собой классический пример нераскаявшегося преступника: уже после вынесения приговора он зверски избил женщину, нанесшую ему визит, и, по выражению автора, «упивался своим своими грехами» [20, р. 310], пока его не повесили в Тайберне 24 октября 1699 г.

Джек Аддисон за двадцать три года совершил 56 ограблений, последнее из которых стало для него роковым. Покушение на имущество французского посланника герцога Дюмона привело его сначала в Ньюгейт, затем в Олд-Бейли и, наконец, в Тайберн, где он был повешен 2 марта 1711 г. Джек – классический грабитель с большой дороги, чьи «подвиги» с легкой руки автора «Календаря» оказались овеяны авантюрно-благородным флером, плохо вязавшимся с реальной биографией «героя». Он родился в Ламбете, некоторое время служил на флоте, а после демобилизации в качестве источника существования выбрал ремесло мясника. Честный труд пришелся ему не по душе, что усугубило общение с дурными женщинами, в частности, с некоей Кэти Спид, под влиянием которой он свернул на «кривую дорожку» и совершил целую серию

дерзких ограблений. В «Календаре» описываются четыре преступных эпизода, каждый из которых, по-видимому, призван раскрыть грани индивидуальности Джека. Некому пастору он предложил сыграть в грамматическую игру, обещав преподобному вернуть пять гиней, если тот определит, какой частью речи является слово «золото». Тот без колебаний назвал существительное (*noun substantive*), исходя из того, что его можно предварить артиклем *the* или *a*. «Нет, – ответил Джек, – Ваше преподобие скверный филолог, ибо *Baue* золото – существительное с оттенком прилагательного (*noun adjective*), так Вы не можете его ни видеть, ни слышать, ни осязать, ни постичь каким-либо иным образом»² [20, р. 409]. Оставив несчастного сокрушаться над своей ошибкой, Джек вернулся к своим нечестивым деяниям, среди которых числится ограбление на дороге между Хаммерсмитом и Кенсингтоном мистера Палмера, трактирщика, державшего питейное заведение на Друри-лейн. Он забрал у него серебряные часы и 18 шиллингов, а на просьбу вернуть хотя бы малую долю наличности, дабы покрыть дорожные расходы, ответил следующее: «Если бы ты был честным ремесленником, я бы выполнил твою просьбу, но я не дам тебе ни фартинга, т.к. люди твоей профессии едят, пьют и даже мыслят за счет других» [Там же]. Вершиной же остроумия «благородного» разбойника стал диалог с безымянным адвокатом (барристером) из Линкольнс-Инн. Последний, лишившись золотых часов, серебряной табакерки и двух гиней, обещал поступить с Джеком с исключительной суровостью, когда тот предстанет перед законом. «Я презираю всех английских юристов, которые способны лишь цитировать пророчества Мерлина в своих речах, а заодно закон, бессильный решить Лукианов древний спор между Тау и Сигмой»³. Возможно, скромный мясник почерпнул познания в области филологии и античной философии во время службы на флоте, где корабельный священник должен был читать матросам Библию и беседовать с ними на разные «нравственные» темы. Но очевидно, что его «подвиги» все же оказались сильно приукрашены автором «Календаря», придавшим им флер изысканности и оттенок ненависти к представителям определенных профессиональных когорт.

² Игра слов, заключающаяся в противопоставлении грамматического значения слова и философского понятия. *Noun substantive* – термин для обозначения имени существительного. Термин *adjective* смещает акцент на то, что деньги, тем более украденные, это абстрактное понятие, качество, которое нельзя ощутить. Следовательно, жертва не увидит своих денег в любом случае.

³ Тау – буква τ (Т) греческого алфавита; Сигма – буква σ (Σ) – главные персонажи сочинения «Суд гласных» Лукиана из Самосаты. В сатирической судебной тяжбе между буквами решаются лингвистические вопросы [3, с. 5–9].

В подобном же свете представлена биография «влюбленного разбойника» Джека Овета. Он был родом из Ноттингема, в юности постигал ремесло башмачника, но, «отличаясь дерзким и нахальным нравом, оказался вовлеченным в дурную компанию и предпочел честному, но скучному труду образ жизни джентльмена с “большой дороги”» [20, р. 394]. Приобретя лошадь, нож и пистолеты, Джек отправился в Лондон, где он и впервые преступил закон, ограбив некоего джентльмена на 20 фунтов. Тот опрометчиво заявил, что только внезапность нападения заставила его расстаться со своими деньгами. Ответ Джека заслуживает быть процитированным полностью: «Сэр, я рискнул жизнью, совершив ограбление, но если Вы настолько тщеславны, полагая себя лучше меня, то я рискну еще раз. Вот Ваши деньги, и пусть они достанутся тому, кто одержит победу в состязании». Дуэль стала последней для незадачливого джентльмена: Джек заколол его рапирой, после чего завладел означенной суммой и отправился на поиски новых приключений, которые не заставили себя долго ждать. В Ворчестере он остановил экипаж с несколькими молодыми леди, ограбив всех без исключения. Одной же пассажирке, отличавшейся необыкновенной красотой, он адресовал речь следующего содержания: «Мадам, не краснейте и не опускайте ваши прекрасные глаза, покоровшие и смягчившие мое сердце так, что я не тот человек, которым был раньше. Считайте то, что я забрал у Вас, одолженным на время, и, если Вы сообщите мне адрес, по которому я могу выслать Ваши деньги (двадцать гиней), я, как человек чести, возмещу Вашу потерю в ближайшее время» [Там же]. Спустя неделю Джек направил своей визави письмо, где рассыпался в утонченных комплиментах, призывая ее отдаться власти Венеры и Купидона и уверяя, что он встал на путь исправления и готов начать новую жизнь. Роковой ошибкой для Джека, в итоге приведшей его на виселицу, стало то, что он указал место, куда следовало доставить ответное письмо. Ответ юной леди был переполнен благородным негодованием, вызванным предложением стать женой, а вскоре и соломенной вдовой того, кто зарабатывает на жизнь, отбирая последнее у честных людей: «Я не настолько очарована Вами, чтобы сочетаться браком под сенью виселицы с негодяем, чьи любезные улыбки, слова и поступки не что иное как ручейки разнузданных страстей, образующих море смертных грехов» [20, р. 395]. Леди не ограничилась высокопарной отповедью и сообщила адрес Джека мировому судье, после чего констебли препроводили его в Лестерскую тюрьму. Во время пребывания там Джек не выказывал ни малейших признаков раскаяния за убийства и грабежи. Это обстоятельство вкупе с многочисленными свидетельствами против него predetermined приговор: в возрасте тридцати двух лет он был казнен 5 мая 1708 г.

К концу XVIII в. разбойники с большой дороги настолько затерроризировали путешественников, что вызывали равно страх и ненависть англичан вне зависимости от социального статуса и профессиональной принадлежности. «Мы полагаем, что самое лучшее наказание для тех, кто промышляет грабежом, наводя страх на мирных путников, – это заставить их трудиться на дорогах с закованными в кандалы ногами. Зрелище этих несчастных несомненно заставит безрассудного юношу задуматься перед тем, как отобрать кошелек и спустить его содержимое на экстравагантные излишества», – такое суровое предложение, подкрепленное соответствующей иллюстрацией, содержится в предисловии к Календарю 1780 г. [20, р. 16].

Распространенность этого вида преступления объяснялась еще и тем, что в иерархии преступного мира разбойники с большой дороги традиционно занимали самые высокие позиции и потому в наибольшей степени подверглись романтизации. Примечательно, что в издании Э. Нэппа представлены всего лишь несколько биографий разбойников-джентльменов. «Титулы, древность рода и славная память предков безжалостно втаптываются в грязь их обладателями, чьи имена запечатлены криминальной хроникой» [17, р. 308]. Дело, в котором фигурантами выступали сэр Саймон Кларк и лейтенант Роберт Арнотт, слушалось на ассизе в Винчестере. В очерке «Журнала для джентльмена» (*The Gentlemen's Magazine*) от марта 1731 г. сообщалось, что на заседании присутствовало много представителей джентри. «Сэр Саймон произнес трогательную и патетичную речь, заставившую прослезиться всех присутствовавших. Шериф и высокое жюри, учитывая заслуги предков и печальные жизненные обстоятельства, приведшие молодого человека на большую дорогу, подали прошение о помиловании Его Величеству, которое тот счел нужным удовлетворить» [Там же, р. 309].

Не столь благосклонна была судьба к Томасу Батлеру, казненному в Тайберне 8 февраля 1720 г. в возрасте сорока двух лет по обвинению в ограблении сэра Юстаса Ишэма, которого он лишил золотых часов, шелковой пижамы, шести рубашек из голландского полотна. Эти предметы и стали главной уликой, когда Томас Батлер предстал перед судом Олд-Бейли в январе 1720 г. Сын ирландского якобита, после битвы на р. Бойн⁴ он вместе с отцом эмигрировал во Францию, затем в Голландию, после чего вернулся в Англию. Примечательно то, что некоторое время Батлер был связан с герцогом Ормондом⁵, работая на него

⁴ Битва на р. Бойн – сражение, состоявшееся 1 июля 1690 г. и решившее исход противостояния Якова II и Вильгельма Оранского после «Славной революции» 1688 г.

⁵ Джеймс Батлер, второй герцог Ормонд (1665–1745), в 1715 г. был обвинен в государственной измене и эмигрировал во Францию.

в качестве шпиона за 20 фунтов в год, но, потеряв расположение высокопоставленного покровителя, вынужден был искать другие источники дохода. Оказавшись в Англии, он нашел себе слугу и компаньона по имени Джек, вместе с которым они совершили ряд ограблений преимущественно в графствах Кент и Эссекс. Биограф Батлера подчеркивает, что он исповедовал католицизм и вел роскошный образ жизни. «Редкому разбойнику удавалось выглядеть столь элегантно: он предпочитал облачаться в черный бархат и кружева и пользовался аксессуарами, приличествующими джентльмену. Но закон призвал к его ответу на пике преступной карьеры. Так пусть те, кто вступил на скользкую дорожку, уяснят, что поступь правосудия неспешна, но неумолима, и чем более оно замедлится, тем страшнее будет возмездие», – таким назидательным резюме завершается повествование [17, р. 131].

Но, безусловно, самым знаменитым разбойником-джентльменом XVIII в., чья впечатляющая биография разместилась на одиннадцати страницах, был Джеймс Маклейн, который вместе со своим напарником – ирландским аптекарем Уильямом Планкетом – совершили более двадцати ограблений. Потомок знатного, но обедневшего севершотландского рода, игрок, покоритель женских сердец, утонченный гедонист, с наслаждением вкушающий весь спектр жизненных удовольствий, он обладал безупречными манерами, которые открыли ему дорогу в великосветские салоны, а заодно снискали славу «вежливого разбойника». Среди его «подвигов»: ограбление знаменитого писателя, младшего сына премьер-министра Роберта Уолпола – Горация Уолпола, а также шотландского пэра герцога Эглинтон и историка Томаса Робинсона. «Образ героя криминального романтизма – это социальный антипод романтического. В криминальном романтизме отражается возвышенное, уважительное, трогательное, сострадательное отношение творцов произведений и реципиентов к преступной деятельности и ее субъектам, происходит их героизация, идеализация, воспевание, прославление и возвеличивание» [2, с. 10]. Налицо парадокс: биография Маклейна, изобилующая специфическими подробностями относительно его привычек и характера, излагается с явной симпатией к его антигуманным по существу деяниям. Приводятся письма Маклейна, где он демонстрирует мастерское владение стилем, причем адресованы эти письма тем, кого он грабил, как например, Горацию Уолполу. В то же время значительная часть повествования посвящена его духовному перерождению, которому способствовал его духовник преподобный Аллен: «Во время первого визита доктор Аллен застал несчастного в муках, вызванных не столько бедственным положением, сколько осознанием вины. Он сказал, что христианские истины настолько укуренены

благочестивым воспитанием, что даже многочисленные злодеяния не могли поколебать их» [18, p. 90].

Правоучительных сентенций в биографии так много, что они должны были бы перевесить восхищение лихими авантюрами «героя», но нужный эффект едва ли оказывается достигнутым. Маклейна повесили 3 октября 1750 г., но его образ, далекий от оригинала, воплощался в литературных произведениях, театральных подмостках, а в XX в. – в кино. В 1999 г. на экраны вышел фильм английского режиссера Дж.Р. Скотта «Планкетт и Маклейн». «Действие происходит в Лондоне в 1748 г. и основано на похождениях реальных персонажей – разбойника Уилла Планкетта и капитана Джеймса Маклейна, не от хорошей жизни образовавших преступное сообщество, именуемое в простонародье “шайкой”. У Планкетта есть богатый криминальный опыт, у Маклейна – связи в высшем обществе. Используя проверенный метод Робин Гуда, они прячутся в лесу и грабят проезжающие кареты богатей» [4, с. 13].

Каково происхождение «джентльменов с большой дороги»? Ф. Макфлинн полагал, что почти без исключения большинство разбойников некогда обладали довольно высоким социальным статусом, потеряв его из-за пристрастия к азартным играм; либо были талантливыми честолюбцами, не желающими зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. «Материалы судебных дел фиксируют более высокий образовательный уровень разбойников по сравнению с другими преступниками... Эти люди попали в ловушку классической дилеммы несоответствия жизненных ожиданий и финансовых источников для поддержания имиджа джентльмена и образа жизни, к которому они привыкли или стремились. Так случилось с Томасом Барквиртом. Он прекрасно владел латынью, греческим, французским, итальянским, и прожил бы жизнь ученого, если бы у него был стабильный доход. Его карьера разбойника продлилась ровно час, а заработал он двадцать шиллингов. Его повесили в декабре 1739 года» [14, с. 59].

Но как показывают проанализированные нами истории, преуспевшие в этом ремесле преимущественно были людьми скромного происхождения, посредством эпатажного поведения стремившимися закрепить за собой реноме благородного джентльмена. По мнению В.Я. Катина, «криминальный романтизм представляет собой специфический феномен, истоки которого уходят в историческое прошлое культуры страны и вписываются в общий контекст романтического направления развития европейской культуры, но который имеет в качестве образца героя асоциальной (криминальной) направленности» [2, с. 8]. Генезис мифологии о «доблести» и «бесстрашии» английских разбойников стал

предметом исследования Джиллиан Спраггс, обосновывающей тезис о чисто английском «культе грабителя с большой дороги» [15]. Анализ старинных баллад, художественной литературы, анекдотов, криминальных биографий дает ответы на вопросы, существовал ли у английских «джентльменов удачи» кодекс чести, каким образом формировалась традиция романтизации «подвигов» вооруженных грабителей в седле. Английские разбойники (точнее говоря, их романтизированные биографии) были предметом национальной гордости, а мифологизированное ограбление на большой дороге обладало огромной притягательной силой. Здесь прослеживался неуловимый оттенок аристократизма: молодой джентльмен без гроша в кармане демонстрировал мужество, которое он унаследовал от своих предков. Что касается простолюдинов, для них это был способ вырваться из рамок социальной иерархии, став «рыцарем дороги», «калифом на час».

Литературная мода на криминальные истории оказалась долговременной и устойчивой: «Календарь» переиздавался в течение всего XIX в. «Библия преступного мира» стала бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Истории, изложенные на страницах «Ньюгейтского Календаря», выполняли назидательную функцию, напоминая о неизбежности наказания и обязательном раскаянии преступника. Некоторые исследователи предполагают, что преобладающий морализаторский тон каждого повествования, точное описание последних слов и поступков осужденных, выражение покаяния или его отсутствие с высокой степенью вероятности указывают на причастность к авторству тюремных священников. Биографии преступников были шаблонно-ходульными, в содержательном плане представляя последовательно изложенный набор структурных элементов: жизнь, детали преступлений, признание, раскаяние и приведение приговора в исполнение. Сочетание дидактических рассуждений и нарративных отрывков, собственно, и составляли композиционную структуру каждой биографии в пропорции, отвечающей таким критериям, как провокативность материала, неординарность личности преступника и степень несоответствия его поведения общепринятым социальным нормам.

Библиографический список / References

1. Каменский А.В. Даниэль Дефо. Его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. М., 2014. [Kamensky A.V. Daniel Defoe. Ego zhizn i literaturnaya deyatelnost: biograficheskij ocherk [Daniel Defoe. His life and literary activity: A biographical sketch]. Moscow, 2014.]

2. Катин В.Я. Криминальный романтизм как явление культуры современной России: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2007. [Katin V. Ya. Kriminalnyj romantizm kak yavlenie kultury sovremennoj [Criminal crime romanticism as a phenomenon in modern Russian culture]. PhD theses. Saratov, 2007.]
3. Лукиан Самосатский. Суд гласных // Лукиан Самосатский. Сочинения. СПб., 2001. С. 5–9. [Lucian of Samosata. The Consonants at Law. *Lucian of Samosata. Sochineniya*. St. Petersburg, 2001. Pp. 5–9.]
4. Маслова Л. Джентльмены с большой дороги // Коммерсантъ. 2000. № 26. 17 февраля. С. 13. [Maslova L. Highway Gentlemen. *Kommersant*. 2000. No. 26. February 17. Pp. 13. (In Russ.)].
5. Матвеенко И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. [Matveenko I.A. Vospriyatie anglijskogo socialno-kriminalnogo romana v russkoj literature 1830–1900-h gg. [Perception of the English socio-criminal novel in Russian literature of the 1830–1900s]. Dr. Hab. Dis. Tomsk, 2014.]
6. Уилсон Дж. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 10. 2016. № 3. С. 227–250. [Wilson J.R. The word criminology: A philology and a definition. *The Criminology, Criminal Justice, Law & Society*. 2015. Vol. 16. No. 3. Pp. 61–82.]
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб, 1889. [Foynitsky I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison science]. St. Petersburg, 1889.]
8. Эрлихсон И.М. Генезис идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. [Erlikhson I.M. Genesis idej socialnoj utopia v anglijskoj obshchestvennoj mysli vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII vv. [Genesis of the ideas of social utopia in English public thought in the second half of the 17th – early 18th centuries]. Dr. Hab. Dis. Moscow, 2009.]
9. Durston G. Whores and highwaymen: Crime and justice in the eighteenth-century metropolis. L., 2012.
10. Hanging not punishment enough (1701), reprinted in by B. Montagu, Esq. L., 1819.
11. Hitchcock T., Shoemaker R. London lives. Poverty, crime and making of modern city, 1690–1800. Cambridge, 2015.
12. King P. Newspaper reporting and attitudes to crime and justice in late-eighteenth and early-nineteenth-century London. *Continuity and Change*. 2007. No. 22 (1). Pp. 73–112.
13. Linebough P. The London hanged: Crime and civil society in the 18th century. N.-Y., 2006.
14. McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.
15. Spraggs G. Outlaws and highwaymen: The cult of the robber in England from the middle ages to the nineteenth century. Pimlico, 2001.
16. Snell E. Perceptions of violent crime in eighteenth-century England: A study of discourses of homicide, aggravated larceny and sexual assault in the eighteenth-century newspaper. PhD thesis. University of Kent, 2004.

17. The Newgate calendar comprising interesting memoirs of the most notorious characters who have been convicted of outrages on the laws of England since the commencement of the eighteenth century; with occasional anecdotes and observations, speeches, confessions, and last exclamations of sufferers. A. Knapp, W. Baldwin (eds.). Vol. 1. L., 1824.
18. The Newgate calendar comprising interesting memoirs of the most notorious characters who have been convicted of outrages on the laws of England since the commencement of the eighteenth century; with occasional anecdotes and observations, speeches, confessions, and last exclamations of sufferers. A. Knapp, W. Baldwin (eds.). Vol. 2. L., 1825.
19. The complete Newgate calendar. J.L. Rayner, G.T. Crook (eds.). In 5 vols. L., 1926.
20. The Newgate calendar. D. ÓDanachair (ed.), pub. by the Ex-classics project. Vol. 1. 2009.
21. Ward R.M. Print, culture, crime and justice in 18th century. L., 2014.

Статья поступила в редакцию 13.02.2020, принята к публикации 28.04.2020
The article was received on 13.02.2020, accepted for publication 28.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Эрлихсон Ирина Мариковна – доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Irina M. Erlihkson – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of World History and International Relations, Yesenin Ryazan State University

E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru